

НАПОЛЕОН О МОСКВЕ И МОСКОВСКОМ ПОЖАРЕ

Ничто так не завораживает ум и сердце историка, как послание, вольное или невольное, дошедшее до него из глубин далекого прошлого. Между тем этих посланий от некогда живших людей так много, что они могут сливаться то в многоголосый хор, звучащий мощно и слаженно, то превращаться в беспорядочную какофонию звуков, лишенных, как кажется, всякого смысла. Однако несколько голосов в этом потоке звуков всегда звучат внятно и отчетливо: они принадлежат тем людям, которые определенно хотят, чтобы их услышали. Эти были те люди, которые осознавали, что они творят историю и определенно желали того, чтобы в ней остаться. Будучи на о-ве Св. Елены и создавая историю о себе самом, Наполеон не обошел вниманием русскую кампанию 1812 года. Центральным событием в ней он назвал пожар Москвы. «Ужасный спектакль – море огня, океан пламени. Это был самый великий, самый величественный и самый ужасный спектакль, который я видел за свою жизнь», – восклицал бывший император, вспоминая о московском пожаре и будучи в полной уверенности, что его слова дойдут до потомковⁱ.

Однако в голосе Наполеона, дошедшем до нас, слышится не только стремление оправдать свое поражение в России, но совершенно определенно чувствуется растерянность человека, весь прежний жизненный опыт которого оказался совершенно бесполезным. Дело в том, что помимо записей устных воспоминаний бывшего императора на о-ве Св. Елены мы также располагаем значительным его письменным наследием, относящимся ко времени 36–дневного пребывания в Москве. Это 20 писем императрице Марии–Луизе, 86 посланий из официальной «Корреспонденции» и 5 бюллетеней Великой армии, составленных при непосредственном участии (как правило, под диктовку) императораⁱⁱ. Вот эти–то «невольные» послания Наполеона и позволяют увидеть нам, что же в действительности произошло с Наполеоном в Москве.

Великая армия увидела Москву в полдень 14 сентября (все даты даны по н. ст.) 1812 г. Вид на русскую столицу, неожиданно открывшийся солдатам Наполеона с Поклонной горы, был настолько ошеломляющим, что это сочли необходимым описать десятки, если не сотни, участников похода. «С холма, откуда Москва развернулась перед нашим изумленным взором, – записал в дневнике 21 сентября Л.–Ф.Фантен дез Одар, капитан 2–го полка пеших гренадеров императорской гвардии, – эта столица как будто отправила нас в фантастические детские видения об арабах, вышедшие из тысячи и одной ночи. Мы были внезапно перенесены в Азию, так как [то, что мы видели] уже не было нашей архитектурой. . . В отличие от устремленности к облакам колоколен наших городов Европы, здесь тысячи минаретов были закруглены, одни зеленые, другие ярких цветов, блестящие под лучами солнца, похожие на множество светящихся шаров, разбросанных и плывущих по необъятному городу; ослепленные блеском этой картины, наши сердца подскочили от гордости, радости и надежды»ⁱⁱⁱ. Впечатления Наполеона от вида русской столицы были столь же сильными, как и у его солдат. «Он

остановился в восторге, и у него вырвалось восклицание радости», – отметил бригадный генерал Ф.–П.Сегюр^{iv}. К сожалению для нас, первое письмо Марии-Луизе из Москвы Наполеон напишет только 16 сентября, вся же остальная корреспонденция за 14 и 15 сентября будет носить исключительно деловой характер. Представлялась ли Москва Наполеону в тот первый день, 14 сентября, одним из городов Востока, о которых он читал в юности у Тассо, а затем видел в Египте и Сирии, или нет, определенно сказать уже невозможно. Но то, что Москва не походила ни на один западно-европейский город и отличалась неизмеримо большим количеством церквей, Наполеон хорошо знал и ранее^v.

Как и многие солдаты его армии, Наполеон попытался сравнивать Москву с Парижем. «Город столь же велик, как Париж», – напишет он 16 сентября в своем первом письме Марии-Луизе из Москвы^{vi}. «Мой друг, я пишу тебе уже из Москвы. Я не в состоянии составить представление об этом городе (Je n'avois pas d'idée de cette ville). В нем 500 дворцов столь же прекрасных, как Елисейский дворец (l'Élisé Napoléon), обставленных по-французски с невероятной роскошью, многочисленные императорские дворцы, казармы, восхитительные госпитали»^{vii}. «Город Москва столь же велик, как Париж; это в высшей степени богатый город, заполненный дворцами всех князей империи», – говорилось в 19-м бюллетене Великой армии от 16 сентября, составленном, по всей видимости, под диктовку Наполеона^{viii}. Город «в высшей степени прекрасен», – пишет Наполеон о Москве 18 сентября министру иностранных дел Франции Ю.-Б.Маре^{ix}.

Вместе с тем французы не могли не ощутить и своеобразной «азиатской» особенности русской столицы. Нередко эти черты особенности они связывали с русскими церквями и Кремлем. Еще 1 июля в беседе с генерал-адъютантом Александра I А.Д.Балашовым Наполеон изумлялся огромному количеству церквей в Москве, немыслимому в любом европейском городе^x. 15 сентября Наполеон узрел с высоты Кремля захватывающее зрелище сотен церквей, купола которых блестели на солнце и переливались разными цветами. Под впечатлением увиденного он написал утром 16 сентября Марии-Луизе, что «город столь же велик как Париж. В нем 1600 церквей и более тысячи прекрасных зданий»^{xi}.

Входя в Москву, которая потрясла захватчиков своими размерами, блеском и роскошью, Наполеон принял меры к тому, чтобы она не подверглась разграблению и пожарам от рук солдат Великой армии. К вечеру 14 сентября в Москве должны были находиться только дивизия генерала Ф. Роге из Молодой гвардии (3,5 тыс. человек) и горстка гвардейских жандармов. Солдатам остальных частей было запрещено входить в Москву, а вдоль западной окраины были расставлены посты, чтобы предотвратить проникновение в город мародеров. Наполеон все еще вел «правильную» войну и надеялся, что «цивилизованное» вступление его войск во вторую русскую столицу с неизбежностью приведет к заключению мира^{xii}. За отступавшей русской армией, которая, как полагал Наполеон, уже не была способна оказать серьезного сопротивления, двигался авангард И.Мюрата. «Враг отступает, как говорят, на Казань», – заметил император в письме Марии-Луизе 16 сентября^{xiii}. «Враг отступает в

направлении Волги», – напишет он 18 сентября в письме Маре^{xiv}. Все действия Великой армии, как показывают приказы Наполеона за 14 и 15 сентября, сводились к тому, чтобы «собирать» русских пленных по улицам Москвы и ее пригородам^{xv}. Пожары, начавшиеся уже в ночь с 14 на 15 сентября, Наполеон приписал исключительно случайностям, обычным во время военных действий.

15 сентября настроение в тех частях Великой армии, которые вступили в Москву, стало уже далеко не радужным. «Мы были в намного менее веселом настроении, чем ранее, – записал 21 сентября о своих впечатлениях, относившихся к 15-му числу, Фантен дез Одар, – и горевали по поводу того, что все население, среди которого мы рассчитывали вести сладкую жизнь, исчезло; через несколько часов обнаружился и другой предмет разочарования, когда к нам стали приходить отдельные погорельцы. Хотя после Смоленска мы двигались не иначе как по пепелищу пожарищ, никто между нами не предполагал, что Москва, *Святая Москва*, будет предана огню как последняя деревня; но у нас было ошибочное мнение в отношении цивилизации русских. При первых известиях о пожарах Император, который, вероятно, разделял нашу беззаботность, был убежден в том, что они произошли по вине наших мародеров и, впад в гнев, отдал соответствующие приказы»^{xvi}. Действительно, истинное положение дел и причины многочисленных пожаров, вспыхивавших то в одном, то в другом месте, стали очевидны для многих чинов Великой армии уже к 15 сентября. Между тем Наполеон продолжал, словно зачарованный, сохранять поразительное спокойствие. Сам он, объезжая днем 15 сентября Кремль и близлежащие кварталы, мог видеть только слабые дымы. То же он мог наблюдать и из окон Кремлевского дворца, которые выходили на Замоскворечье. Позже Наполеон вспоминал, что в те часы он говорил своему окружению следующее: «Мы посмотрим, что эти русские собираются делать; если они откажутся от того, чтобы и далее отступать, нам следует придерживаться уже принятого решения. Квартиры нам обеспечены. Мы покажем миру удивительный спектакль мирно зимующей армии среди вражеских народов, окруживших ее со всех сторон. Французская армия в Москве – это корабль, находящийся среди льдов. Но с возвращением хорошего времени года мы возобновим войну. Впрочем, Александр не допустит, чтобы мы должны были это делать; мы понимаем друг друга и он подпишет мир»^{xvii}. Однако в те несколько часов, которые прошли между водворением Наполеона в Кремлевском дворце и удалении императора в свои покои для подготовки ко сну (это произошло, видимо, где-то в начале десятого) были представлены очень противоречивые сведения. Наполеон, среди прочего, был проинформирован и о постройке неким Шмидтом зажигательного воздушного шара и о подготовке им различных горючих материалов для организации пожаров. Некая «старая французская актриса», которую специально доставили в Кремль, поведала о недовольстве среди русского дворянства тем, как Александр ведет войну, и что «русские вельможи хотят мира во что бы то ни стало и принудят к этому императора Александра...»^{xviii}.

Ночью значительная часть Москвы оказалась охвачена пожаром. Между тем – странная вещь – будучи разбуженным в начале пятого и приказав послать офицеров, чтобы выяснить,

что происходит, Наполеон снова заснул. Причина заключалась в том, что его наконец-то отпустила дизурия. Когда около 7 утра к нему пришел врач Э.О. Метивьер, император все еще был в постели. Тогда-то со слов Метивьера Наполеон и узнал, что огонь уже обступает Кремль. Отсвет зарева, который нельзя было не увидеть в окнах дворца, подтверждал это. И все же, написав тем утром письмо Марии-Луизе, Наполеон ни словом не обмолвился о пожаре! Он только отметил, что из Москвы «дворянство уехало; вынуждены были удалиться также и купцы, простой народ остался». И далее: «Мое здоровье хорошее, мой насморк прошел. Враг отступает, как говорят, на Казань. Прекрасное завоевание (Москвы. – В.З.) есть результат сражения при Москве-реке»^{xix}. Однако все разраставшийся огонь заставил Наполеона наконец-то осознать масштаб разыгравшейся трагедии. Согласно Сегюру (вплоть до половины 10-го утра 16 сентября свидетельств иных участников событий мы не имеем), Наполеон в полной растерянности взволнованно ходил по комнатам и, бросаясь от окна к окну, восклицал: «Какое ужасное зрелище! Это они сами! Сколько дворцов! Какое необыкновенное решение! Что за люди! Это скифы (Quel effroyable spectacle! Ce sont eux-même! Tant de palais! Quelle résolution extraordinaire! Quels hommes! Ce sont des Scyth)» И только крик «Кремль горит!» заставил императора выйти из дворца и посмотреть, насколько велика опасность^{xx}. Во второй половине дня 16 сентября Наполеон принял решение покинуть Кремль и перебраться в Петровское. Здесь он будет находиться до 18 сентября.

В 19-м бюллетене Великой армии, подготовленном, вероятно, вечером 16 сентября, Наполеон, наконец-то представил, хоть и в несколько преувеличенном виде, истинную картину случившегося, возложив вину за пожар на московского главнокомандующего: «Русский губернатор, Ростопчин, хотел уничтожить этот прекрасный город, когда узнал, что русская армия его покидает. Он вооружил три тысячи злодеев, которых выпустил из тюрем; равным образом он созвал 6 тыс. подчиненных и раздал им оружие из арсенала». «Полная анархия охватила город; пьяное неистовство захватило дома, и полыхнул огонь. Ростопчин, издав приказ, заставил уехать всех купцов и негоциантов. Более четырехсот французов и немцев также подпали под этот приказ; наконец, он предусмотрел вывезти пожарных с насосами: таким образом, полная анархия опустошила этот огромный и прекрасный город, и он был пожран пламенем»^{xxi}. Тему пожара Наполеон, перескакивая с одного вопроса на другой, продолжил развивать и в следующем, 20-м бюллетене. По тому, как автор пытался убедить не только общественное мнение, но и себя самого в том, что московский пожар не изменил общей ситуации, в нем явственно ощущается растерянность и ошеломленность случившимся. Утром 18-го, перед возвращением из Петровского в Москву, Наполеон впервые написал о московском пожаре Марии-Луизе: «Все исчезло, огонь в течение 4 дней [всё] пожрал». «Это губернатор и русские, которые, в ярости от того что побеждены, подожгли этот прекрасный город. 200 000 добрых жителей в отчаянии и на улицах в нищете». «Это потеря неизмерима для России, понятно, что ее торговля в состоянии великого потрясения. Эти мерзавцы приняли меры вплоть до того, что вывезли или испортили помпы»^{xxii}. В 8 вечера того же дня Наполеон снова пишет Марии-Луизе: «Я посетил сегодня все кварталы. Город

прекрасен. Россия в огне понесла неисчислимую потерю, осталось не более трети домов»^{xxiii}.

20 сентября император Франции пишет письмо Александру I: «Прекрасный и великий город Москва более не существует. Ростопчин ее сжег. Четыреста поджигателей схвачены на месте; все они заявили, что поджигали по приказу этого губернатора и начальника полиции: они расстреляны. Огонь в конце концов был остановлен. Три четверти домов сожжены, четвертая часть осталась. Такое поведение ужасно и бессмысленно»^{xxiv}. Текст этого письма (которое не раз публиковалось и многократно цитировалось) отразил многое из того, что происходило в Наполеоне: он опасался, что Александр (а возможно и общественное мнение европейских стран) может возложить ответственность за пожар Москвы на французов, он надеялся как можно скорее получить свидетельства от русских о возможности мира, он был в неопределенности в отношении своих собственных планов. Но за всем этим видится и еще одно: растерянность европейца, столкнувшегося с «азиатским варварством». Несмотря на свои заявления накануне и в ходе войны о дикости и «неевропейскости» русских, разумом сознавая пропасть между представлениями и образом действий русских и западноевропейцев, Наполеон все же оказался не готов столкнуться с этим в действительности. О том, что реакция Европы на пожар Москвы определенно занимала Наполеона, свидетельствует и его письмо от 21 сентября Марии-Луизе. Он просит ее, во-первых, написать своему отцу австрийскому императору Францу I об оптимизме, который, как можно понять, излучает ее муж, находясь в Москве, а во-вторых, передать Наполеону слухи, которые ходят в Париже по поводу последних событий в России^{xxv}.

Обращение к другим голосам – письмам и дневникам различных чинов Великой армии из Москвы – делает очевидным, что многие из них, в отличие от Наполеона, возлагали вину за пожар Москвы не только на Ростопчина, но и на само русское правительство и императора Александра. Почему же Наполеон, как видится из его письменного наследия, исключал возможность участия Александра в ужасном заговоре с целью сожжения Москвы? Думаем, что кроме тактических соображений (французский император продолжал надеяться на открытие мирных переговоров), Наполеоном действительно двигала уверенность в непричастности Александра к осуществлению чудовищного проекта. Наполеон отказывался соотносить благородного Александра с варварством его подданных.

Стихийные расправы над теми русскими, которых французские солдаты застали за поджиганием московских зданий, начались, вероятно, уже 15 сентября. Трупы «поджигателей» с надписью «Зажигатели Москвы» французы в назидание вешали на улицах и площадях. «Мы расстреливаем всех тех, кого мы застали за разведением огня. Они все выставлены по площадям с надписями, обозначающими их преступления. Среди этих несчастных есть русские офицеры; я не могу передать большие детали, которые ужасны», – писал отцу капитан императорской гвардии Ван Бёкоп^{xxvi}. По крайней мере две площади в Москве французские солдаты так и назвали – «площадь повешенных». В бюллетене от 20 сентября Наполеон заявил, что «три сотни поджигателей» были арестованы и повешены^{xxvii}. В письме Александру I, помеченному тем же днем, император заявил о 400 «поджигателях»: «Четыреста

поджигателей схвачены на месте; все они заявили, что поджигали по приказу... губернатора и начальника полиции; они расстреляны»^{xxviii}. Сообщил Наполеон о расстрелах и Марии-Луизе, правда, 23 сентября: «Здесь все хорошо, зной стал умеренным, погода хорошая, мы расстреляли столько поджигателей, что он [пожар] закончился»^{xxix}.

Наполеон принимает решение организовать «процесс» над «поджигателями». 23 сентября Г.-Ж. Пейрюсс, казначей в администрации Главной квартиры Великой армии, записал в дневнике: «Это невозможно, чтобы Его величество оставался еще долгое время безучастным наблюдателем страшного опустошения. После обысков наиболее усердствующих, захвачено 26 поджигателей. Назначена комиссия для проведения над ними процесса». 24 сентября он же записал: «Десять поджигателей, совершенно изобличенных, приговорены к смерти; они сознались в своих злодеяниях и в миссии, которую они выполняли. Шестнадцать остаются в заключении как недостаточно изобличенные»^{xxx}. Протокол заседания военной комиссии (военно-полевого суда) над 26 русскими, обвиненными в поджогах города, стал широко известен. 29 октября 1812 г. он был опубликован в «Монитёре» (№ 303)^{xxxi}. Обращает на себя внимание то, что хотя главным виновником организации этой акции объявлялся Ростопчин, было отмечено: изначальная инициатива исходила от «российского правительства», принявшего еще три месяца назад решение организовать на даче Воронцово производство зажигательных снарядов. С какой целью и для кого был организован этот показательный процесс? Для европейской публики? Примечательно, что в постановлении военной комиссии прямо говорилось, что часть «поджигателей» была уничтожена патрулями или погибла сама во время поджогов. Поэтому можно предположить, что речь не шла о том, чтобы облечь массовые расправы над подлинными и мнимыми поджигателями в законную форму, но о том, чтобы указать на истинных виновников чудовищного злодеяния. И делалось это не только и не столько для европейцев, сколько для Петербурга, не без оснований опасаясь, что Александр I может возложить ответственность за разорение столицы на французов. Правда, возникала одна немаловажная проблема. Наполеон, судя по всему, до конца своего пребывания в Москве надеялся на возможность заключения мира. В этом плане обвинять прямо русское правительство было бы более чем опрометчиво. Поэтому, хотя в официальных французских материалах и прорывались намеки на роль высшего руководства России в организации поджогов, но главным, а иногда чуть ли не единственным объектом критики оказывался Ростопчин.

Итак, французы не только спонтанно, но и «официально» ответили на варварство русских. Ответ этот заключался не только в расстрелах «поджигателей», но и в разнузданных грабежах московских домов и оставшихся в них мирных жителей. Эти грабежи начались уже 14 сентября. В этот день солдаты Молодой гвардии посетили «захоронения царей» в московском Кремле. 15 сентября их сменили солдаты Старой гвардии. 15 сентября Наполеон приказал «упорядочить» систему мародерства^{xxxii}. Лейтенант Л. Гардьё, 111-й линейный которого все еще стоял у Дорогомиловской заставы, свидетельствует, что именно 15 сентября был отдан приказ выделять наряды от частей, стоявших вне города «для поиска съестных

припасов, кожи, сукна, меха, и т.д.»^{xxxiii} Наполеон и не собирался скрывать того, что сам отдал подожженный «варварами» город на разграбление своей армии. В письме Марии-Луизе, в глазах которой Наполеон всегда пытался выглядеть благородным защитником Европы, он прямо заявил: «...армия нашла множество богатств разного рода, так как в этом беспорядке все занимаются грабежом»^{xxxiv}. Да и в письме Александру от 20 сентября французский император отписал: «Пожары разрешили грабеж, с помощью которого солдат оспаривает у пламени то, что осталось»^{xxxv}.

Еще более «упорядоченным» стал грабеж после 18 сентября, когда большой пожар закончился. Фантен дез Одар записал в дневнике: «Регулярный грабеж... был организован. Каждому корпусу определялось, каким кварталом необъятного города он ограничивает свои поиски, и [этот] приказ привел к беспорядку»^{xxxvi}. Некто Кудер в письме жене 27 сентября отметил, что «когда наш император увидел такое (пожар. – В.З.), он дал солдатам право грабежа»^{xxxvii}.

После возвращения Наполеона из Петровского в Кремль, когда император увидел невозможность сохранить боеспособность армии в условиях узаконенного грабежа, он решил остановить дальнейшее разграбление. Приказ «немедленно остановить грабеж» был им отдан 20 сентября^{xxxviii}. Но выполнить его оказалось невозможным. Маршал М.-К.-Ж. Лефевр отдал на следующий день приказ по гвардии, в котором говорилось: «Император в высшей степени недоволен тем, что, несмотря на приказ, требующий прекратить грабеж, не видно, чтобы подразделения гвардии, выделенные для мародерства возвратились в Кремль... Все военные чины гвардии, которые возвращаются в Кремль с вином, продуктами и всеми теми вещами, которые получены в результате грабежа, должны арестовываться...»^{xxxix}. Однако разнузданность солдат Великой армии, и даже солдат императорской гвардии, уже перешла всякие пределы. В приказе от 23 сентября по гвардейской дивизии Ф.-Б.-Ж.-Ф. Кюриала было отмечено: «Гофмаршал двора (Ж.-К.-М. Дюрок. – В.З.) оживленно возмущался тем, что, несмотря на повторные запреты, солдат продолжает отпирать свою нужду во всех углах и даже под окнами императора»^{xl}. 29 сентября (через 9 дней после приказа императора!) в приказе по дивизии Кюриала говорилось: «Беспорядки и грабежи вчера, прошлой ночью и сегодня возобновились Старой гвардией в такой степени и в такой недостойной манере, каких не было никогда ранее»^{xli}. Тем же днем помечен приказ дня по всей армии за подписью начальника Главного штаба Великой армии Л.-А.Бертье, из которого следовало, что грабежи продолжаются, и в котором заявлялось, что с 30 сентября солдаты, продолжающие мародерствовать, будут преданы воинским комиссиям и осуждены «по строгости законов»^{xlii}.

Бесконтрольный грабеж Москвы Наполеону удалось остановить только к началу октября. Но теперь перед ним стояла задача подготовиться к эвакуации и начать отступление. Специальная комиссия под руководством генерального секретаря генерального интендантства де Сен-Дидье должна была собрать все драгоценности, найденные в Москве, особенно в кремлевских соборах. «...собраны многочисленные драгоценные вещи в церквах Кремля, дабы

в качестве трофеев отправить их в Париж, а также многочисленные слитки золота, которые вы, без сомнения, получите в руки», – отписал своему отчиму 15 октября чиновник интендантского ведомства Проспер^{xliii}. Э.-В.-Э.-Б. Кастелян, шеф батальона, адъютант генерал-адъютанта Л.-М.-Ж.-А. Нарбонна, записал в журнале 16 октября: «Собрано и переплавлено столовое серебро кремлевских церквей и передано казначею армии»^{xliiv}. «...Его величество, – записал в журнале 28 сентября Пейрюсс, – решил забрать из церкви Кремля серебряные полосы, которыми отделаны стены, также как и восхитительную люстру из массивного серебра»^{xliv}.

Из московского Кремля должны были быть вывезены и все другие вещи, которые, по мнению Наполеона, представляли какую-либо ценность, не только материальную, но и – для русского человека – символическую. 9 октября Наполеон продиктовал 23-й бюллетень Великой армии. В нем говорилось о том, что «знамена, взятые русскими у турок во время разных войн, и многочисленные иные вещи, бывшие в Кремле, отправлены в Париж. Найдена Мадонна, украшенная бриллиантами, она также отправлена в Париж»^{xlvi}. Должен был отправиться в Париж и крест с колокольни Ивана Великого. «Русский народ, – записал 28 сентября Пейрюсс, – связывает обладание крестом Святого Ивана с сохранением столицы; Его величество не считает себя обязанным обходиться с какими-либо церемониями с врагом, который не находит иного оружия, кроме огня и опустошения. Он приказал, чтобы крест с Ивана Великого был увезен, чтобы быть водруженным на доме Инвалидов. Я отметил, что в то время как рабочие были заняты этой работой, огромная масса ворон носилась вокруг них, оглушая своим бесконечным карканьем»^{xlvii}.

Все чины Великой армии, готовясь к эвакуации, основательно запаслись награбленным в Москве добром. Р.-Э.-Ф.-Ж. Монтескье барон Фезенсак, командир 4-го линейного полка, наблюдая, как Великая европейская армия выступала из Москвы, подумал, что это «спектакль, который напоминает войны азиатских завоевателей»^{xlviii}. Москва превратила армию европейскую в армию азиатскую.

Армия стала «варварской» не только внешне. Наполеон, покидая Москву, в каком-то мстительном ожесточении решил уничтожить то, что осталось. Чиновник Итасс (вероятно, из почтового ведомства) написал 14 октября о том, что армия готова «эвакуировать Москву и уничтожить все запасы муки, вина, фуража и всего остального, что нельзя транспортировать, вплоть до того, чтобы не оставлять никаких ресурсов для тех жителей, которые остаются...»^{xlix}. 20 октября, двигаясь к Малоярославцу, Наполеон отдал приказ о разрушении Москвы: «22-го или 23-го, к 2 часам дня, придать огню магазин с водкой, казармы и публичные учреждения, кроме дома для детского приюта. Придать огню дворцы Кремля. А также все ружья разбить в щепы; разместить порох под всеми башнями Кремля...» После эвакуации гарнизона следовало в 4 часа дня взорвать Кремль. «Следует позаботиться о том, чтобы оставаться в Москве до того времени, пока сам Кремль не взорвется. Следует также придать огню два дома прежнего губернатора и дом Разумовского»¹. В 26-м бюллетене от 23 октября Наполеон сообщил миру: «Эта древняя цитадель, которая столь же древняя, как сама монархия, этот первый дворец

царей, не существует!»^{li}

Так закончилось пребывание Великой армии в Москве. Наполеон и его армия, входившие в русскую столицу как носители западно-европейской цивилизации и ведущие «гуманную» войну, вышли из нее, готовые отплатить «скифам» «той же монетой». Позже, находясь на о-ве Св. Елены, и создавая для Европы миф о русской кампании, Наполеон скажет: «В 1812 году, если бы русские не приняли решения сжечь Москву, решения неслыханного в истории, и не создали бы условия, чтобы его исполнить, то взятие этого города повлекло бы за собой исполнение миссии в отношении России...»^{lii} «Мир в Москве predetermined бы окончание моей военной экспедиции», – заявил Наполеон в другой раз и нарисовал далее блестящую картину благоденствия и процветания Европы^{liii}

. С тех пор, когда мир услышал голос узника Св. Елены, история о московском пожаре 1812 г. стала своего рода символом противопоставления Западной Европы «варварству русских». То, что война и Великую армию тоже сделала «варварской», было быстро забыто. Что же касается до утверждения французской историографии о решающей роли «природных стихий» в исходе войны 1812 года, то, в сущности, оспаривать его бессмысленно. Наполеон, вступая в Москву как «цивилизованный европеец», действительно оказался не готов столкнуться с теми крайними методами борьбы, которые его там ожидали.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *O'Méara*. Napoléon dans l'exil // *Las Cases A.-E.-D.-M. Mémoires de St.-Hélène*. P., S.a. T. 2. P. 590–591.

ⁱⁱ Napoléon I. *Lettres inédites de Napoléon à Marie-Louise, 1810–1814*. P., 1935; Napoléon I: *Correspondance de Napoléon I*. P., 1868. T. 24. При работе с бюллетенями Великой армии мы воспользовались изд.: Napoléon I: *Œuvres de Napoléon I*. P., 1827. T.5.

ⁱⁱⁱ *Fantin des Odoards L.-F.* Journal. P., 1895. P. 331–332.

^{iv} *Séguir Ph.-P.* La campagne de Russie: Mémoires. P., S.a. P.170.

^v См., напр., запись беседы Наполеона с генерал-адъютантом Александра I А.Д.Балашовым 1 июля 1812 г. в Вильно: РГВИА. Ф. 846. Д. 3589. Л. 30.

^{vi} Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 16 сентября 1812 г. // Napoléon I: *Lettres inédites de Napoléon à Marie-Louise*. P. 78.

^{vii} Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 18 сентября 1812 г. // *Ibid.* P.78–79.

^{viii} 19-й бюллетень Великой армии. Москва, 16 сентября 1812 г. // Napoléon I: *Œuvres de Napoléon I*. P. 62.

^{ix} Наполеон – Ю.-Б. Маре. Москва, 18 сентября 1812 г. // Napoléon I: *Correspondance de Napoléon I*. P. 219.

^x РГВИА. Ф. 846. Оп.1. Д. 3589. Л. 41.

^{xi} Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 16 сентября 1812 г. // Napoléon I. *Lettres inédites de Napoléon à Marie-Louise*. P. 78.

^{xii} Подробнее см.: *Земцов В.Н.* Гвардия Наполеона в Москве 14–16 сентября 1812 г. // *Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы*. М., 2005. С. 134–137.

^{xiii} Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 16 сентября 1812 г.

^{xiv} Наполеон – Ю.-Б. Маре. Москва, 18 сентября 1812 г.

^{xv} Наполеон – Бертье. Москва, 14 сентября 1812 г.; Наполеон – Бельяру. Москва, 15 сентября 1812 г.; Наполеон – Бертье. Москва, 15 сентября 1812 г. // Napoléon I: *Correspondance de Napoléon I*. P. 217–218.

^{xvi} *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 332–333.

^{xvii} Цит. по: *Thiry J.* La campagne de Russie. P., 1969. P. 169.

^{xviii} *Caulaincourt A.-A.-L.* Mémoires. P., 1933. T. 2. P. 10; *Bausset L.-F.-J.* Mémoires anecdotiques... Bruxelles, 1827. T. 2. P. 116; *Thiry J.* Op. cit. P. 169; etc.

^{xix} Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 16 сентября 1812 г.

^{xx} *Séguir Ph.-P.* Op. cit. P. 185–186.

^{xxi} 19-й бюллетень Великой армии. Москва, 16 сентября 1812 г. // Napoléon I. *Œuvres de Napoléon I*. P.62–63.

^{xxii} Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 18 сентября 1812 г.

^{xxiii} Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 18 сентября 1812 г., 8 вечера // *Ibid.* Napoléon I. *Lettres inédites de Napoléon à Marie-Louise*. P.79–80.

^{xxiv} Наполеон I – Александру I. Москва, 20 сентября 1812 г. // Napoléon I: *Correspondance de Napoléon I*. P. 221–222.

^{xxv} Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 21 сентября 1812 г. // Napoléon I: *Lettres inédites de Napoléon à Marie-Louise*. P. 81.

^{xxvi} Ван Бёкоп – отцу. Москва, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 268. Л. 70–70 об.; *Lettres interceptées par les Russes durant*

la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow. P., 1913. P. 50.

^{xxvii} 21-й бюллетень Великой армии. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Napoléon I: Œuvres de Napoléon I*. P. 65–66.

^{xxviii} Наполеон – Александру I. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Napoléon I: Correspondance de Napoléon I*. P. 221.

^{xxix} Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Napoléon I: Lettres inédits de Napoléon à Marie-Louise*. P. 82.

^{xxx} *Peyrusse G.-J.* Op. cit. P. 102.

^{xxxi} Отечественный исследователь обычно пользуется публикацией П.И.Щукина, где имеются параллельные тексты на французском и русском языках: Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П.И.Щукиным. М., 1897. Ч. 1. С.129–130. См. также: ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. №6. Л. 84–89; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 287.

^{xxxii} Русский чиновник Пестов и два офицера – прапорщик Спекчау (?) и штабс-ротмистр Булычев, оказавшиеся в Москве в начале пребывания там французов, так объяснили решение Наполеона: французы надеялись найти в Москве продовольствие и хорошие зимние квартиры, «но когда сверх их чаяния вместо того нашли в Москве один только пожар, родилось в солдатах большое негодование, чтоб их успокоить позволено было от императора Наполеона три дни грабить...» (ОР РНБ. Ф. 282. Оп. 1.Л. 8).

^{xxxiii} *Gardier L.* Journal de la Campagne de Russie en 1812. P., 1999. P. 53.

^{xxxiv} Наполеон – Марии-Луизе. Москва, 18 сентября 1812 г. // *Napoléon I: Lettres inédits de Napoléon à Marie-Louise*. P. 79.

^{xxxv} Наполеон – Александру I. Москва, 20 сентября 1812 г. // *Napoléon I: Correspondance de Napoléon I*. P. 221.

^{xxxvi} *Fantin des Odoards L.-F.* Op. cit. P. 337. Запись от 24 сентября 1812 г.

^{xxxvii} Кудер – жене. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 51.

^{xxxviii} Приказ дня по императорской гвардии. 20 сентября 1812 г. // *Registre d'Ordre du 2-e régiment de grenadiers à pied de la Garde Imperiale* (ОР РНБ. Ф. Q. IV. №95. Л. 114об.).

^{xxxix} Приказ дня по императорской гвардии. 21 сентября 1812 г. // *Extraits du livre d'ordres 2-e Régiment de grenadiers à pied de la Garde imperiale (2-e bataillon, 2-e compagnie) (Carnet de la Sabretache. 1900. №95. P. 683).*

^{xl} Приказ дня по императорской гвардии. 23 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 685.

^{xli} Приказ дня по императорской гвардии. 29 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 690.

^{xlii} Приказ дня по Великой армии. 29 сентября 1812 г. // ОР РГБ. Ф. 41. К. 165. Ед. 16. Л. 2.

^{xliii} Проспер – отчиму. Москва, 15 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 149.

^{xliv} *Castellane E.-V.-E.-B.* Journal. P., 1895. Т. 1. P. 170.

^{xlv} *Peyrusse G.-J.* Op. cit. P. 105.

^{xlvi} 23-й бюллетень Великой армии. Москва, 9 октября 1812 г. // *Napoléon I: Œuvres de Napoléon I*. P.68–69.

^{xlvii} *Peyrusse G.-J.* Op.cit. P. 105.

^{xlviii} *Fezensac M.* The Russian Campaign, 1812. Athens, 1970. P. 52.

^{xlix} Итасс – г-ну Колэнкампу, директору эстафет его величества. Москва, 14 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 103.

^l Наполеон – Бертье. Троицкое, 20 октября 1812 г. // *Napoléon I: Correspondance de Napoléon I*. P. 278–279.

^{li} 26-й бюллетень Великой армии. Боровск, 23 октября 1812 г. // *Napoléon I: Œuvres de Napoléon I*. P. 73–76. 10 октября Наполеон предложил Бертье разрушить «мечеть» «с многочисленными колокольнями» (собор Василия Блаженного), которая создавала трудности при возможной обороне Кремля (Наполеон – Бертье. Москва, 1 октября 1812 г. // *Napoléon I: Correspondance de Napoléon I*. P. 239). К счастью, этого сделано не было, так как Наполеон окончательно решил оставить Москву.

^{lii} *Montholon.* Histoire de la captivité de St.Hélène. Bruxelles, 1846. Т. 2. P. 228.

^{liii} *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op. cit. Т. 2. P. 145 (запись от 24 августа 1816 г.).